

Почему почемучек нынче дефицит?

*Наталья Жеребилова,
педагог студии «Азбука творчества», г. Москва*

Увы, не так уж редко мы, взрослые, особенно педагоги, нашими взрослыми представлениями о том, что верно и что нет, подавляем в ребёнке человека. Нормального, любознательного, любопытного, нахального человека – того, который только и живёт своими «где?», «когда?», «куда?», «откуда?», «почему?», «зачем?» и «как?».

На одном из методобъединений детского центра, в котором я веду развивающие игры, коллега делала доклад о повышении учебной мотивации старших дошкольников. Мол, в школу ребёнку хорошо бы пойти с более или менее сформированной, хотя бы социальной мотивацией типа «Я хочу стать школьником». И современная система тестов и «приёмных экзаменов» ставит перед родителями, воспитателями, гувернёрами такие условия поступления ребёнка в школу, что малышам будет попросту тяжело включаться в предлагаемый

школой темп обучения. Так что деваться нам, взрослым, некуда, надо у 5–6-леток учебную мотивацию формировать и развивать, – говорит коллега.

Скажете, абстрактно, глупо и нереально? Да нет, исходя из собственного опыта, хочется сделать предположение: реально.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОРСКИЙ ЗУД

В одной из групп, в которых я веду развивающие игры, есть один такой мальчик пяти с половиной лет... Полгода ходил, ничем не интересовался. Если что не получается – перестает инициативу проявлять, а тут вдруг: «У меня некрасиво получилось (или не совсем правильно), дайте мне, пожалуйста, листок, я переделаю». Переделывает не так, чтобы как у всех, а так, чтобы получилось лучше, чем раньше мог. Себя старается пере-

прыгнуть. «Вот здорово, – думаю, – другие в чужие работы заглядывают, а этот себя с собой сравнивает!».

В общем, учебная мотивация к 5–6 годам действительно складывается. А коллега поднимает острый вопрос: «Мы их давим своей взрослостью! Мы им не даём слова вставить! Вы обратите внимание: на занятиях стало меньше почемучек!»

«А-а, я давно говорила, что малышей нужно учить задавать вопросы», – думаю я, содрогаясь от восторга (знаете, так бывает, когда ищешь-ищешь и вдруг находишь желаемое в самом неожиданном месте и времени). Ох уж этот педагогически-экспериментаторский зуд (так В.М. Букатов надо мной подтрунивает. Справедливо, только пока ничего с собой поделывать не могу)... «Дай, – думаю, – поиграем в игру с вопросами». Хотя это же для меня только игра, а для дошкольников – тяжёлый, утомительный, нудный труд. Но азарт, что удивительно, у малышей был.

«ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА»

Азарт появился, когда я объяснила задачу: «У кого в руках окажется волшебная палочка – задаёт вопрос. Начинать можно словами: **я хочу узнать...**» (если бы я, например, задала вопрос, то я бы сказала: «Я хочу узнать, когда дует ветер»).

Так они не могли дождаться, пока ответят на предшествующий вопрос! «У кого вопрос готов, – прозвучала из моих уст инструкция, – подними-те правую ногу!» Ноги держались на

весу чуть ли не постоянно. (Интересно, что некоторые детки поглядывали на чужие ноги и пытались выяснить, «ту ли ногу я поднял».)

У старших азарт похлеще, чем у малышей. Не успевают порассуждать про одно – уже высказывают вопрос про другое.

Саша ходил в одну студию с Ксюшей, одногодки, но Саша рассудительнее. Саша серьезнее. Он всё вопросы про космос задавал, про людей, животных. («Почему черепаха медленно ползает? Потому что у неё панцирь тяжёлый?») А тут:

– У меня два вопроса. Один: это почему идёт война в Ираке? А второй: откуда в космосе много метеоритов?

ЧЕГО ХОЧЕТ БУШ?

Мы попытались поделиться всей информацией, которой владели (из телевизора) об Ираке. Оказалось, что американский президент Буш – он плохой и он воюет с Саддамом Хусейном, потому что хочет забрать себе его сокровища.

– А вы знаете, по телевизору говорили, что у Хусейна есть золотое оружие, прямо автоматы золотые, кинжалы всякие... (это Мансур, ему в первый класс только этой осенью идти).

– А ещё Буш хочет, чтобы ему поклонялись люди в Ираке.

Милые мои, вон у Буша какая большая земля. Видите, на доске – вот это Северная Америка, вот это Африка, вот Аравийский полуостров такой есть, а тут маленький-малень-

кий Ирак. Зачем президенту такой большой земли нужно, чтобы ему поклонялись люди маленькой страны, которая расположена через целый океан?! Америке нужны деньги... от нефти... Америке как будто нужно, чтобы в Ираке не было ядерного оружия... В конце концов, Бушу действительно хочется, чтобы ему поклонялись люди, иначе зачем его плакаты на улицах развешивать?..

Так вот, детям (как мне кажется после всех перипетий моей неопытной публицистической мысли) необходимо давать время. Ровно столько, сколько потребуется, чтобы увидеть, рассмотреть, спросить (а ведь ещё нужно научить, что такое «спрашивать») и поговорить по этому поводу.

В противном случае мы убиваем в детях способность интересоваться миром. А ведь кажется порой, что без интереса к миру и жить-то в нём незачем.

НЕПРАВИЛЬНО ИЛИ НОРМАЛЬНО?

Говорят малыши (4–4,5 лет): «Я хочу узнать, когда бывает солнце? А когда падает снег? А когда бывает дождь?..»

«Ну всё, – обреченно думаю я, – сейчас застрянем на явлениях погоды». И вдруг одно чудо (Полиной зовут) спрашивает: «Я хочу узнать, а почему идут часы?» – и на стенку показывает. Ну вот, умеют все же задавать вопросы! Так, может, не надо их этому учить?..

Из наших взрослых наблюдений напрашивается вывод: у дошколь-

ников бывают *неверно заданные вопросы и неверно данные ответы*. На самом деле неверно или только якобы?

Неверно заданный вопрос – это не тот вопрос, ответ на который знаешь сам. Это тот, на который не могут ответить другие. Например, как понять: «Я хочу узнать, вот мы позавчера на том занятии, вот пираты, клад вот мы искали и были задания». Очевидно, можно расценить этот эмоциональный всплеск слов как: «Ребята! Ну вы помните?! На прошлом занятии мы выполняли какие-то задания, оставленные пиратами. И это было так интересно! Помните?!» Но ведь это только взрослому очевидно!

Или вот вам ещё: «Я хочу узнать, почему как листья зелёные». Почему листья зеленые, а не фиолетовые? Или как они ими становятся? Кажется, неверно (не точно) заданные вопросы можно разделить на те, в которых не встречается вопросительных местоимений, и те, в которых этих местоимений два и больше.

С ответом – похожая ситуация. «Чем похожи эти предметы?» – спрашиваю нарочно коротко. «Потому что это зелёное», – отвечают (назван признак только одного предмета, отсутствующий, кстати, у другого). Уловили? В ответе звучит иное местоимение, нежели требуется по условию вопроса. Кроме того, видно, что ребёнок не совсем понял смысла заданного вопроса.

А иногда бывает, что задашь вопрос, а ребёнок (хитрый!) поднимет руку, и ты его переспросишь: «Ты хочешь сказать, почему тигры едят

мясо?» – он добросовестно кивнет, а после этого, глотая слова, начнёт рассказывать о том, какие вчера были цветы у бабушки на даче...

Милые мои, вот все это вышеописанное – не неправильно, а НОРМАЛЬНО!

Так всё-таки надо или не надо учить детей задавать вопросы? А?

ТАК СМЕШНЕЕ

Третье мая. Солнечная погода. В студии «Азбука творчества» два мальчика и девочка. Два шестилетки и один пятилетка. Мы играем на квадратики из цветной бумаги. Задал интересный вопрос – получил (взял из кучки) квадратик. Кто больше соберёт?

«Я хочу, например, узнать, почему у Змей Горыныча 80 голов?!» Ох, эти фантазии Ксюшины... У неё и ветер-то дует, потому что наверху Бог сидит и вентилятор крутит. Не потому что не знает ответа, а потому что так смешнее.

Нет, отмечаем вопрос про Змея Горыныча. «Давайте про то, что на самом деле существует»...

